

*Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

А. Блок

НОВЫЕ АНДРОГИНЫ

Самый лучший шанс пообщаться с иностранцами — остановиться в дорме центрального хостела. Ты оказываешься у них дома, ни больше не меньше. Вы вместе разбрасываете шмотье по комнате и толпитесь в ванную в очереди.

Тем, кто кто любит выбрать отель подороже, оправдываясь перед всеми тем, что мол, они много работали и вот сейчас уже могут наконец себе это позволить я скажу, что я тут не так сильно устаю от людей, чтобы от них скрываться в номере дорогого отеля. Как раз наоборот — по людям я соскучился. Ах да — денег у меня тоже кот наплакал.

В Crossroads на этот раз мест нет, и я тащусь назад вверх по улице в центр — там расположен самый дешевый центральный хостел «Три черные кошки». Моя удача — свободное место есть.

Американская комедия как тут водится шла на языке оригинала с субтитрами и два иностранца отчаянно пялились в телевизор, жуя макароны. «Оливку?» — «О, нет, спасибо». Как фильм, так и их импровизированный ужин подходил к концу, и британец Доминик из Манчестера ушел работать. Доминик Свайр репортер, пишет для нескольких онлайн изданий и для печатного издания Business New Europe (BNE), доступного к сожалению только по подписке.

Хозяин угостил нас с Джастином выпивкой и у нас завязался разговор. Джастин Вела — фотограф, 22 года, родом из Сан-Франциско, работает в основном на World Press News и приехал в Белград отснять выборы. Выразил сожаления по поводу смерти Чеботаева, большой поклонник творчества Козырева из-за его иракских серий. Очень удивился, когда я сказал ему, что Козырев в основном снимает для западных журналов. Я ему посоветовал Максимишина. Джастин расстроил меня сказав, что у Рона Пола мало шансов на победу в американской президентской гонке — он хочет отменить income tax, а единственный штат, где этот налог отменен — Вашингтон — самый бедный штат в Америке, и американцы на это никогда не пойдут.

Тем, кто не в курсе — Рон Пол — кандидат в президенты США, ученый-физик, ветеран войны, в программе которого намерения остановить национальную политику растрат, приведшую США к финансовым проблемам, прекратить финансовую зависимость от Китая и Саудовской Аравии, отменить действие Patriot Act, а что самое важное прекратить ВСЕ военные действия за пределами США и вывести войска. 16-го декабря 2007 г. он за один день собрал 6 миллионов долларов пожертвований на его предвыборную компанию на акции сбора, проведенной вне официальной программы, что является абсолютным рекордом во всей политической истории США. Он самый популярный в интернете кандидат, и этот рекорд является именно эффектом «умной толпы».

Через несколько часов в комнате нарисовался щупленький очкастый азиат с огромным осиным гнездом дредов, уложенных в растянутую до размеров увеситой тыквы расташапку. Это Дейвид Сперри, фотограф-фрилансер, 23 года, американец корейского происхождения, миноритарный совладелец фотоагентства в Париже. Дэйвид оказался просто *talking machine* и очень быстро уел всех сначала тем, что он живет в Нью-Йорке, а затем своими рассказами про поездку на West Bank, фотками своей девушки из Франции, которая живет на берегу моря и на которой он наверно женится, чтобы получить европейский паспорт. Он родился в Сеуле, но в возрасте года уехал в Штаты с отцом, который имеет ирландские, немецкие и голландские корни. Я ему сразу сказал, что он *the most globalized person I've ever met in my life*.

Сперри сбегал за пивом, под которое мы проговорили с американцами наверно часов пять. Я узнал, что основной электорат демократов, как и места жизни наиболее прогрессивной части американского населения — оба побережья, а по середине и особенно на юге в Техасе живут бабули с ружьями, которые в основном голосуют за республиканцев. Лучший город в Америке бесспорно Нью-Йорк, за ним с большим отрывом идет Сан-Франциско, а потом Портланд. Филадельфия может быть очень опасной по окраинам из-за обширный негритянских гетто, Бостон — город белых воротничков из-за большого количества колледжей, а в Лос Анджелесе без своей машины делать вообще нечего. Сиэтл скучный, Вашингтон очень маленький, а самый худший штат — Луизиана.

Зашла молоденькая сербка, которая тоже по случаю учится на журналистике, и во время беседы сам собой всплыл вопрос, почему мы тут все собственно этим занимаемся. Наш с сербкой ответ был в целом «так вот вышло». У американцев и брителиша ответ был в корне другим.

To change the world.

Вот так вот. Ни много ни мало.

Конечно все они признают, что *the world hasn't changed much*, и все что вся их деятельность это просто еще один взгляд на происходящее. Я сказал, что *more views the better, and I guess this all journalism is about*.

Выяснилось, что Джастину в этот день одна из многочисленных подружек хозяина хостела Младана выдала аванс на возможную совместную прогулку вечером и он ждет именно ее. Скоро она появилась и уткнулась с Младаном в компьютер. Джастин не обратил на нее никакого внимания, все глубже и глубже уходя в разговор о сенсорах, камерах и объективах с Дэйвом. Немного погодя он напялил пальто, думая что этим самым он намекает ей на свою готовность идти и этого достаточно. Спустя 30 минут ситуация не изменилась, причем девица за клавиатурой явно скучала. Американец просто застрял. Я сел за другой компьютер и напечатал в блокноте «*Justin, nothing will happen by itself. Come up to the girl and invite her to go out. New Yorker will talk you to death*», но что-то мне как-то было неудобно ему делать такие замечания личного характера, и я закрыл блокнот и пошел продышаться в одиночестве.

Далеко я не ушел, так как походу я натер себе ногу своими большими зимними ботинками, и купив еще пива и сигарет вернулся назад в хостел. Конечно же ничего не произошло — тот же Джастин в пальто, а девица со скуки ушла домой. Мы решили пойти бухать на студенческую площадь, и в лифте я объяснил Джастину его ошибку: «Man, I just saw you stuck. You can't be this digital here!»

В парке Джастин полчаса лупил себя по лбу, краснея и глупо улыбаясь, и кричал мне что я должен был ему все сказать. Слово digital так метко объясняло все, что оно было с нами до самого конца моей поездки — мы постоянно шутили на тему digital/analog, и я стебал юэсов разговаривая как робот и двигаясь заедая как испорченный терминатор. Американцы сказали что я не должен бросать эту тему и лучше всего написать об этом книгу. Когда мы допили пиво я повел их в Инсомнию — ди-джей кафе вроде московской Буржуазии, только где всегда можно найти свободное место, потому что на улице Евремова таких кафе — сто штук и никто никуда не давится. По дороге я объяснил им, что тут надо смотреть девушкам в глаза, подстебывать своих конкурентов, проще говоря lead the party, затем оказавшись наедине слегка подныть, рассказав что тебя мучает и беспокоит, а получив долю сочувствия уже можно переходить к решительным действиям. Они сказали, что с американкой это будет полным провалом и тут все наоборот, крутили головами и говорили «We've got so much to learn». В Америке если девушка позволила тебе ее угостить дальше все идет in digital way — обоими принято и осознано к чему все идет и как правило вечер заканчивается у одного из вас дома, и по этой же причине это, в общем, не является началом отношений, поэтому-то американцы и канадцы здесь недоумевают, почему девушки им продолжают звонить после one night stand. Интересно, но они сказали что, допустим, у меня с американкой гораздо больше шансов, так как я иностранец и это котируется как экзотика, и в этом в общем и заключается парадокс Нью-Йорка — там собралось очень много не-американцев, в которых в массе гораздо больше американского, чем у коренных жителей.

В Инсомнии мы сели на втором этаже рядом с двумя молодыми девушками, которые в течении получаса не бросили на нас ни одного взгляда. Мы-то с вами знаем, что это значит — стоит заговорить с ними и все это силой сдерживаемое внимание выплеснется на тебя. Я решил устроить юэсам мастер-класс и просто ждал удобного момента, паузы между бурными репликами обсуждения проблем с парнями наших соседок, слушая американцев в пол-уха. Когда они спросили, почему я так рассеян, я сказал им что собираюсь сделать — дожждаться паузы, неловко побормотать по-сербски, чтобы затем извиниться и перейти на английский, на что они сразу сказали что я very wise man и мой body language говорит что я hunter, хотя на деле я просто тупил и рассеяно чесал подбородок.

Получилось именно так, как я и рассчитывал — девушки оказались очень молодыми и сразу на нас набросились в благодарность за то внимание, которое мы им уделили. Я оставил их америкосам на растерзание и спустился в бар. Через полчаса я вернулся и Джастин уже боролся на диване с молоденькой Сандрой, пытаясь отправить всем ее друзьям сообщение о том, что у нее теперь новый парень из США, а Сперии заливал уши старшей Елене рассказами о Нью-Йорке.

С девчонками к моей радости пришлось проститься, так как они заныли что им надо было рано вставать и я конечно спорить не стал, но когда мы вернулись в хостел там нас ждал еще более пышный букет — 5-6 подружек Младана, уже хорошо подвыпивших. Закосевший Джастин сразу же стал клеить одну из них и спустя минут сорок зашел уже достаточно далеко, но опять по-цифровому заел. Он уже практически висел на ней, шепча ей что-то в

ухо, но руки держал по швам, и ситуация минута за минутой становилась все тяжелее.

Он снова застрял, как сломанный терминатор!

В этот раз я не раздумывая свистнул Сперри, чтобы он передал Джастину, что он мог уже как полчаса назад быть в совершенно ином месте, и кореец галимо запалившись шепотом передал инструкцию американскому цифровому Ромео — «touch her stupid». В этот неловкий момент девушка встала и пошла на кухню, и за ней сразу поплелся горе-цифровик выполнять следующую инструкцию. Все прошло успешно — вернулся он уже утром на такси.

На следующий день Доминик извинялся и сожалел, что не смог присоединиться к нам вчера вечером из-за сдачи текста — вчера ночью у него был дэд-лайн. Как русский я представлял для него интерес, он предложил мне пропустить по стаканчику вечером и убежал по работе. Я немного попечатали и пошел прогуляться.

На площади Республики весь день гудел митинг одного из кандидатов. Я взял себе флажок и пошел гулять по толпе с вполне определенной целью — изучить политтехнологии. В частности, я искал «наших» — а именно молодежь, напаявшую на себя свежееотпечатанные майки за сникерс и гарантированную сдачу экзаменов. Надо отметить, что публика на митинге была очень разношерстная — тут и там стояли вполне себе приличные тетки в тонких очках с хорошими стрижками, старичья было на удивление мало, кое-где мелькали радикалы с флагами «свобода или смерть» — югославское изобретение.

«Наших» к своему облегчению я не нашел. Но вот ощущение возвращения на родину было неподдельное. Огляделся — те же цвета, те же воззвания к православию. Политические биллборды очень аскетичны на немецкий манер — рожа, название партии, мотто. Ну и вот оно, тут конечно, милехонькое. То, что я и искал.

Тадич использует слово «стабильность» в своей агитации.

Свайр весь день мотался по встречам с активистами и написал мне чтобы я подгрел в «Прекрасную эпоху». Там он сидел с молодыми проевропейскими активистами в черном, которые к нему прицепились в одном из штабов. Изложил ему свою идею про рождение Балканского Путина, он заинтересовался. Рыли, обдумывали — выяснилось, что действительно, Путин от ЕР отправлял письма поддержки Тадичу. Свайр недоумевает почему же тогда не радикалу Николичу, ведь Таджич достаточно проевропейский, и какой вообще главный приз в этой игре. Я парировал тем, что в Москве по любому знают, что Косово будет потеряно, Сербии место в ЕУ и это игра за будущее лояльное Москве подбрюшье в Южной Европе в составе ЕУ. Михало, молодой парень с кучей связей, опять пытался запеть песню про второе (или третье?) косовское сражение с мусульманами, но я это слегка пригасил, сказав, что пятьсот лет назад религиозная война была реальностью, а сегодня это просто пережиток — с расширившимся европейским влиянием люди стали намного более прагматичными и им уже не до войны, вся эта болтовня является просто политическими спекуляциями. И вообще, раз они грозились объявить независимость 10 декабря и весь прошлый год орали что независимость Косово is certain as death, то почему не сделали? Уж не затем ли, чтобы еще немного поспекулировать на этих выборах?

Я думаю, что это рождение Балканского Путина сегодня невозможно. Политики очень сильно себя дискредитировали во времена распада Югославии, а ведь даже сегодня среди них до сих много людей осталось с тех времен — им никто не верит. Кстати, Николич чисто внешне похож на Милошевича — это плохой брэнд. Противостояние Тадича и Николича это противостояние не пути скорейшей европейской интеграции и изоляционизма, а путей скорейшей Европейской интеграции и Европейской интеграции с небольшой задержкой из-за оглядки на Россию, которая из-за своего провала во внешней политике кроме проблем ничего предложить уже не может.

Я думаю, что на Балканах в эти дни рождаются новые государства-андрогины, которые в скором будущем с успехом сочтут в себе восточные традиции гостеприимства, душевности, религиозности и всего того, что мы считаем «русской душой» или «византийскими ценностями» с западным прагматизмом. Не смотря на то, что мы русские считаем «славянским менталитетом», что-то заставляет людей здесь активно заниматься малым бизнесом, открывая бесчисленные кафешки и забегаловки, маленькие магазинчики и офисы, которые успешно толкают экономику вверх, а политикам с тем же «славянским менталитетом» этому не мешать. Не смотря на этот «славянский менталитет», пожилые люди каждый день одевают бабочку, чтобы подавать разливное пиво по одному евро получая копейки в самой старой городской пивной, которую с ее десятиметровыми ампириными потолками можно было давно превратить в самый пафосный клуб. Не смотря на «славянский менталитет», в самой старой кофейной в городе с закопченными потолками и покосившимися стенами едят и пьют кофе так же, как это делали 200 лет назад, что сделало это место одним из самых популярных у туристов мест для посещения.

Не смотря на этот «славянский менталитет» люди в Сербии всегда вежливы, открыты, всегда найдут на тебя время, одинаково дружелюбны и к американцам, и к русским, и с радостью отказываются от денег, если им кто-то понравился. Потому что вместе с государствами-андрогинами на Балканах рождаются и новые люди-андрогины. Именно это имели ввиду на форуме Euronews во время Румынского кризиса власти, когда говорили что новые восточноевропейские страны — новая кровь Европы, которая вдохнет в нее еще больше жизни, сделав политические решения более моральными, объективными и взвешенными. Пофилософствуя о различиях между Инь и Янь, можно предсказать, что эти новые андрогини сочтут в себе и материю и дух, и рационализм и интуицию, смогут рассматривать деталь не упуская из фокуса целое, сочтут индивидуализм и коллективизм, будут знать как и будут знать зачем, будут уметь жить и будут уметь умирать.

Даже православные верующие, символ «славянского менталитета» для поверхностного туриста автобусного тура, толпятся в недостроенном храме Святого Саввы, кстати, самом большом православном храме в мире, у маленькой иконы с насыпанным вокруг в подносы песком и ставят свечи в четырех бетонных стенах под шум строительной техники. В выстроенный по госзаказу с рекордными количествами мрамора и золота храм Христа Спасителя у входа стоят секьюрити со «славянским менталитетом» — вход в храм на пасху только по приглашительным, ведь внутри сегодня особенные верующие со «славянским менталитетом». Православные сербы слишком долго уживались в Югославском Королевстве, а затем и в Югославии с католиками-хорватами и мусульманами-боснийцами, чтобы кого-то из них сегодня называть врагами по вопросу веры. Кому-то этот вопрос кажется принципиальным, мне и многим в меньшей степени, но и тем и другим Иосиф Бродский в своем эссе «Путешествие в Стамбул» дает хорошую пищу для ума, которую я быстро не могу

переварить, да и не очень заинтересован, поэтому просто передам по цепочке в следующих двух абзацах, выжав из его труда самое ценное и убрав всю бродскую витиеватость.

Не является ли восточное христианство ни чем иным, как максимально овосточенным западным? Известно, что император Константин перед своим походом из первого Рима на восток для основания Второго увидел во сне крест, на котором было начертано «Сим победивши». В IV веке крест еще не был символом Спасителя: им была рыба, греческая анаграмма имени Христа, эта рыба до сих пор на главной регалии западной церкви — перстне римского Папы. Не увидел ли Константин этот символический крест в Византии, ведь та в тот день была перекрестком торговых путей и караванных дорог? Следствие редко способно взглянуть на свою причину с одобрением, а еще меньше оно способно эту причину в чем-либо заподозрить, поэтому не будем забывать, что система верования, именуемого Христианством, пришла с Востока, и именно желание физически приблизиться к востоку могло двигать императором Константином. Запад же так и не предложил ничего, и Запад до сих пор слышит в свой адрес упреки в излишней рациональности, всегда играя скорее роль покупателя. Абсолютная власть, автократия синонимична единобожию, а в то время все средиземноморье было очарованно эллинистической культурой, возникшей на островах из политеистической системы верования. Это движение на восток можно рассмотреть как первопричину торжества демократического государства над Христианством. Пережив падение первого Рима и раскол церкви, Византия позволила христианству просуществовать еще десять столетий. Где-то сразу после церковного раскола христианство приходит на Русь, потеряв по дороге не только тоги и статуи, но и выработанный при Юстиниане Свод Гражданских Правил, облегчив тем самым себе путешествие.

Византия была благодатным местом для зародившегося в XI веке ислама, которым была в итоге и захвачена. Исламу мы не в состоянии приписать хоть какого-то подобия демократической традиции, там торжествует традиция полного подчинения. В Византии так же значительно расширилось в восточную сторону понятие о зле: известно, что император Василий II совершенно спокойно кастрировал своего сводного брата, сделав его затем премьер-министром уже не боясь его притязаний на трон. Это и есть восточное отношение к вещам, к человеческому телу, в частности. Не удивительно, что Римская церковь воротила от Византии нос. Недостатком Западного Христианства и западной системы ценностей вообще можно считать ограниченное представление о зле — мало опыта. Сегодня на западе за любое убийство психиатры объявляют осужденного невменяемым, а ведь он ничем не отличается от иранского имама, кладущего тысячи животов своих подданных во имя утверждения его, имама, представлений о воле Пророка. (Из другого эссе Бродского — у русских представление о зле самое обширное). Это неправда, что Русь сыграла роль щита, предохранившего Запад от татаро-монгольского ига. Роль щита этого сыграл Константинополь — тогда еще оплота организованного христианства. На наше счастье Тамерлан с Баязетом сразились друг с другом под стенами Константинополя вместо того чтобы объединиться.

В конце Бродский предлагает нам посмотреть на советский флаг и увидеть там турецкую звезду, серп полумесяцем и молот в виде модифицированного креста, и полистать турецкий словарь, встретив там множество слов, перешедших в русский язык, например «каторга».

Те, кто читал Бродского прекрасно помнят его открытие — «время боготворит язык». А из его путешествия в Стамбул мне стало примерно понятно, почему из того же православия и «славянского менталитета» в Сербии не выглядывает уродская косматая рожа Распутина, как

из нашего. Ведь император Константин шел на восток примерно по этим местам, а намного позже этого христианство просто очень много растеряло на долгом пути в пыльный мешок одной шестой части суши, а затем еще и набралось турецкой жестокости.

Я описывал наши похождения с американцами отчасти ради веселья, но ведь в этих приключениях я тоже пытался из них сделать андрогинов на скорую руку. Получалось не всегда хорошо, а в один момент они так напились что в одном кабаке почти началась драка с сербами, которую я остановил, за что потом ночевал в хостеле бесплатно. Вклад в сербо-американскую дружбу оценил Младан, хозяин хостела. Невеста Младана Ева — француженка, и они оба тоже несомненно андрогины. Неосознанно, сам по себе западный мир уже плодит андрогинов — там отличная почва для их рождения. Рождение андрогинов в литературе и искусстве анализирует востоковед Григорий Чхартишвили, более известный под псевдонимом Борис Акунин в своей статье «Но нет востока и запада нет». Следующие три абзаца — его.

Там (на западе — С. П.) сжимаются все традиционные амплитуды, стираются казавшиеся непреодолимыми различия между «иметь и не иметь» (все население превращается в средний класс), между городом и деревней (основная масса жителей концентрируется в пригородах), между индустрией и сельским хозяйством, даже между полами (происходит феминизация мужчин и маскулинизация женщин — прямое движение к андрогину). При этом мало кем оспаривается, что нормальному человеку лучше живется именно в этой энтропийной зоне планеты, то есть человечество взирает на происходящий процесс с одобрением, а те, кто наблюдает за ним извне, — и с завистью, мечтая идти тем же путем. Амплитуда колебаний — социальных, экономических, политических — в таком завидном обществе затухает, жить там становится сытно, спокойно, приятно, но немножко скучно, в связи с чем юношей и девушек в период формирования личности тянет путешествовать в неблагополучные регионы — в тамошнем хаосе вроде бы больше жизни.

Быстрее всего процесс деполяризации и слияния идет в сфере идеологии и культуры. Мы все чаще слышим и читаем о едином мире, о планетарном мышлении, о создании глобальной культуры. Существует мнение, что всплеск местного патриотизма, агрессивного национализма, религиозной нетерпимости, наблюдаемый в 90-е годы во многих уголках планеты, — это защитная реакция человечества, которое нуждается в противовесе столь быстрой универсализации. Однако эти судороги все же скорее напоминают агонию. Зона бесконфликтности, вероятно, будет раздвигаться все шире по мере распространения зоны материального благополучия, которое несет с собой большую толерантность, которая есть готовность к компромиссу, который снимает социальную и эмоциональную напряженность...

Глобализация мировой культуры — процесс, видимо, неизбежный. Как и всё под солнцем, он имеет свои плюсы и минусы. Вот взгляд оптимистический: глобализация сумеет вернуть человеку совершенство, «сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу» (Платон). Сформируется новый человек — универсально образованный, в равной мере владеющий культурным наследием и Востока, и Запада. Людям, имеющим общий культурный багаж и общий язык (уже можно догадаться, какой именно), будет легко понимать друг друга.

Пессимистический взгляд на глобализацию (или макдональдизацию?) российские телезрители знают лучше всего, и нужды его описывать нет.

Вам не кажется, что исторически и географически место рождения государства-андрогина должно быть нашим? Но вместо этого мы обижены на запад, обвиняя его во всех наших проблемах. Несмотря на существенное сходство в политических системах с сегодняшним Китаем мы совершенно не понимаем восток, продолжаем грезить о многополярном мире... Спор западников и славянофилов ведь был примерно об этом — о месте России между западом и востоком. Только славянофилы слишком увлеклись, сконцентрировавшись на России, не заметив *настоящего* востока, и придумали Третий Рим. Я их за это ненавижу — они уничтожили русскую философию, подменив ее литературой. Один товарищ, обидевшись на мои наезды на религиозников-славянофилов, мне напомнил об их мифе о России как о спасительнице.

Предлагаю всем посмотреть на карту, провести линию между Первым и Вторым Римом и посмотреть что окажется посередине. Ибо где еще быть Третьему Риму, как не посередине между Первым и Вторым?

Не этот ли крест видел во сне император Константин?

*Спасибо.
Саша Пряжников,
январь 2008 г.*